Право выбора

Автор:
Александра Грашкина

Право выбора

Александра Грашкина

Вчерашние школьники, верные друзья вступают во взрослую жизнь со своими мечтами и наивными убеждениями. Смогут ли они, пройдя через все испытания, сохранить себя и дружбу? И смогут ли в трудную минуту сделать правильный выбор?

Право выбора

Александра Грашкина

© Александра Грашкина, 2021

ISBN 978-5-0053-7796-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В теплый летний вечер, когда легкая прохлада уже начинала приносить облегчение после томительно жаркого дня, друзья сидели во дворе, наслаждаясь тишиной и любуясь заходящим солнцем. Закат разгорался с каждой минутой все сильнее, все небо полыхало ослепительно-ярким оранжевым светом, как бывает только в середине лета в упоенные жарой вечера. Покой и тишина окружали четырех юных друзей, еще только вступающих в серьезную взрослую жизнь и ждущих от нее только радости и исполнения всех желаний.

Кристелла сидела в центре и сразу приковывала к себе взгляд. Она совсем не напоминала накрашенных красавиц из модного журнала, но в ней кипела жизнь. Девушка постоянно меняла позу, поправляла волосы и поворачивалась то в одну, то в другую сторону, обращаясь к друзьям. С ее лица не исчезала жизнерадостная улыбка, вселявшая энтузиазм и радость в собеседников.

Слева от нее сидел Корал – тихий скромный юноша с упрямым огнем в глазах и глубоко затаенной печалью во взгляде, нечасто свойственной молодости. Он изо всех сил сдерживался, стараясь оставаться серьезным, и не подавал вида, что общество прелестных собеседниц занимало его намного больше, чем ему хотелось показывать. Кристелла обращалась к нему чаще, чем к остальным, и это немного льстило его самолюбию, хотя он привык играть с подругами с детства.

Кэтти сидела на краю скамейки и спокойно улыбалась. Она редко вставляла свое слово в общий разговор и вовсе не считала себя остроумной и интересной собеседницей. Внешность у нее тоже была совершенно обыкновенная, но тихая незаметная девушка нисколько не расстраивалась. Кэтти была хорошей слушательницей, умела сопереживать чужим несчастья, и все любили ее за доброту и понимание.

По правую руку от Кристеллы расположилась Эльза. Обладательница привлекательной внешности, девушка делала все для создания образа необыкновенной красавицы. Даже теперь на ней было слишком нарядное для прогулки во дворе платье с кружевной отделкой, туфли и веер, которым она медленно обмахивалась. Глаза, окруженные длинными накрашенными ресницами, выражали одновременно живейший интерес к разговору и полное безразличие к тому, о чем именно говорят. Взгляд будто произносил: «Я так рада тебя слышать, говори о чем угодно. Просто говори». Когда этот взгляд останавливался на собеседнике, он невольно замолкал, и тогда взгляд девушки

становился умоляющим: «Нет, не обижай меня молчанием, говори, о чем хочешь, я просто хочу слышать твой голос». Результат этих взглядов зачастую оказывался очень неожиданным, в чем Эльзе не раз приходилось убеждаться.

В тот прекрасный вечер друзья строили планы на будущее и, конечно, мечтали. Кто станет спорить с тем, что мечты не менее важны, чем серьезные планы? Мечты одухотворяют, возвышают человека над обыденностью, они дарят смелые замысли, которые не всегда воплощаются, однако непременно раскрывают все лучшее в человеческой душе. Отказаться от мечты, от фантазии – значит лишить себя источника внутреннего огня, навсегда обрезать птице крылья.

Кристелла говорила. Она очень любила много говорить и, хотя умела внимательно слушать, предпочитала рассказывать сама. Именно она чаще всего говорила в компании и иногда хвасталась, что может сблизить даже совсем не знакомых людей.

Кристелла мечтала стать ученым, совершить крупное открытие, полезное для общества, и получить высшую награду. Она знала, что ей едва ли это удастся, но мечтать не переставала и не скрывала от друзей своих планов. Эльза с детства хотела играть в театре, Корал планировал стать историком. Помочь с выбором профессии ребята было некому – родители Кристеллы отказались от нее сразу после рождения, а у Корала родители вскоре развелись и уехали, бросив трехлетнего мальчика на произвол судьбы, и оба с тех пор воспитывались вместе с Кэтти в ее семье. Мать Кэтти очень мало рассказывала им о событиях пятнадцатилетней давности – да, много случилось в ту пору темного и неприятного, и незачем омрачать детские головки некрасивыми историями. Отец Кэтти редко жил дома – он уезжал в командировки и подолгу не возвращался, поэтому забота о воспитании детей целиком легла на плечи матери, но она никогда не жаловалась – добрая женщина обожала детей и с радостью приняла их в свою семью.

Кэтти, Корал и Кристелла с детства воспитывались вместе, а Эльза жила в соседнем доме, поэтому дети вскоре подружились, вместе переживали свои огорчения и радости и стали друг для друга самыми близкими людьми на свете. Взрослея, Корал не мог, конечно, совершенно не замечать обаяния своих подруг, но и Эльза, и Кристелла в свое время дали ему понять, что хотят сохранить с ним только дружеские отношения, и он не стал рассчитывать на большее. Девочки были для него почти сестрами, и он перестал представлять свое будущее с одной из них.

Солнце садилось, Эльза стала еще медленнее махать веером, и, воспользовавшись молчанием Кристеллы, Корал воскликнул:

– Чего мы ждем? Все мы мечтаем о лучшей доле – о высоком, светлом и прекрасном будущем! Нечего нам делать здесь, в Марлоу, в захолустье! Нужно ехать в Кент и стать полезными обществу, добиться успеха, исполнить заветные мечты!

Он не сказал ничего нового – мысль об отъезде давно уже овладела умами друзей. Многие молодые люди считали жизнь в маленьком провинциальном городке слишком однообразной, скучной и бесполезной и уезжали в столицу и другие крупные города в надежде найти там свое счастье, почет, уважение и славу. Корал лишь высказал то, что давно уже витало в воздухе и опьяняло честолюбивую молодежь.

Кристелла привстала со скамьи.

– У меня такое предложение. Давайте на семь лет расстанемся и ровно через семь лет 7 июля встретимся здесь и расскажем друг другу, чего мы за это время добились. Только играем честно: за эти семь лет ни разу не встречаться и не разговаривать друг с другом.

Неожиданное предложение сразу всем понравилось – это звучало так романтично, так заманчиво…

– Сегодня как раз 7 июля! Какое чудесное совпадение, – захлопала в ладоши Кристелла.

Из окна третьего этажа до друзей донеслась прекрасная музыка; мать Кэтти начала играть свою любимую пьесу, и молодые люди, не сговариваясь, одновременно подняли глаза вверх. По небу уже разливалась красота позднего вечера, когда яркие краски постепенно исчезают, облака становятся бледно-розовыми, а в воздухе все сильнее чувствуется ночная прохлада. Во дворе стояла такая тишина, что до друзей отчетливо доносился каждый звук пианино, рожденный умелыми руками матери Кэтти. Чарующая мелодия навевала легкую грусть и надежду на счастье.

«Значит, сбудется все, о чем мы мечтаем», – думала Кристелла.

«Я стану известным, покорю весь мир и принесу его к ногам моих друзей», – представлял Корал.

«Я стану прекрасной актрисой, добьюсь успеха и славы сама, весь зал будет рукоплескать мне», – мечтала Эльза.

А Кэтти ни о чем особенном не думала. Она собиралась позвать друзей к столу и предложить маме еще раз поиграть эту чудесную мелодию.

Книга первая

Часть первая. Кэтти

1

Стих последний гудок уходящего поезда. Давно уже скрылся вдали вагон, уносящий друзей в неизвестность, а Кэтти по-прежнему стояла на вокзале, не трогаясь с места. Люди уходили с перрона, негромко переговариваясь, равнодушный голос диктора возвещал о прибытии нового поезда…

Кэтти не могла заставить себя уйти с перрона. Она растерянно смотрела на прибывающих на вокзал людей и с каждой минутой все острее чувствовала свое одиночество. Ее толкали, отстраняли, сухо извинялись, и от формальных вежливых слов комок подступал к горлу. «Вот и все, – думала она, – друзья уехали, а я осталась одна на долгие семь лет. Надо возвращаться, нельзя же все время стоять на вокзале, это глупо. Ничего не поделаешь, жизнь продолжается, никому до меня нет дела».

Кэтти медленно шла по пустынным улицам родного города. Она никогда не хотела уезжать в столицу, покидать Марлоу, ведь ничто не заменит домашнего уюта, покоя и неторопливой жизни маленького провинциального городка, где все жители знают друг друга в лицо, где она росла, где впервые нашла утешение и верных друзей.

В жаркий субботний вечер Кэтти почти не встречала людей, одни только собаки и кошки лежали в тени на углах магазинов, лениво потягиваясь в сладостной дреме. Мариона, мать Кэтти, сразу открыла дверь.

– Проводила друзей?

Кэтти кивнула и прошла на кухню, разговаривать не хотелось. Она открыла шкаф и стала расставлять на столе посуду, стараясь забыть о своей тоске за привычными делами.

– Скучаешь? И с каждым днем будешь тосковать все сильнее.

Кэтти с удивлением оглянулась на мать: они никогда не были настолько близки, чтобы обсуждать самые сокровенные чувства. Мама всегда бывала занята, и Кэтти привыкла делить все свои печали с друзьями или таить в себе. Мариона присела на стул, внимательно глядя на дочь, пока та накрывала на стол.

– Тебе тоже надо найти занятие по душе.

Кэтти кивнула. Она так и не нашла любимого дела, не смогла даже научиться играть, хотя обожала музыку и могла часами слушать исполнение матери.

– Дочка, я говорю совершенно серьезно. Нельзя только вести хозяйство – иди работай.

– Но, мама, ты же сидела дома всю жизнь! – возразила Кэтти.

– Я воспитывала детей. Сейчас вы уже стали взрослыми и самостоятельными, и я устроюсь в музыкальную школу.

– Хорошо, мама, я найду работу.

Мариона доверительно взяла Кэтти за руку.

– Присядь, я хочу поговорить с тобой откровенно. Ты будешь скучать без друзей, станет грустно и одиноко. Нужно найти новый друг общения, завести друзей здесь.

– Хорошо.

Кэтти отвернулась. Она не любила показывать редкие слезы – ей не хотелось услышать слова утешения от других людей, ведь обычно на ее долю выпадала эта непростая обязанность. Девушка боялась, что мать начнет расспрашивать ее, однако вместо ответа Мариона ушла в гостиную, и через несколько минут Кэтти услышала «Лунную сонату». Чистые светлые звуки наполнили квартиру; рожденные гибкими пальцами Марионы, они возносились до самого неба, пробуждая в глубине души самые сокровенные чувства. Это была любимая пьеса и Кэтти, и самой Марионы, и девушка всегда восхищалась игрой матери, но сегодня пианистка играла с особым чувством, столь созвучном с порывом Кэтти, что слезы высохли на ее глазах. Нежная чарующая мелодия пела прощальный гимн беззаботной юности, друзьям и всей прежней жизни, в то же время она звала вверх, навстречу свету, добру и гармонии.

Очарованная игрой, Кэтти бросилась в комнату и села на диван. Мариона кончила пьесу, последние звуки стихли, и девушка подбежала к матери.

– О, мама! Как ты сразу угадала мои мысли!

– Я всегда знаю, о чем ты думаешь, дорогая, даже если не говорю вслух. Мне кажется, теперь нам следует сблизиться, у меня тоже никого, кроме тебя, не осталось.

– Но мы же не навек расстались с друзьями, – возразила Кэтти.

– Через семь лет к тебе придут совершенно другие люди со своими заботами. Они привыкнут обходиться без тебя, без твоей заботы и поддержки, и прежние привязанности могут не сохраниться.

– А как же отец, мама?

Мариона задумчиво посмотрела в окно.

– Он далеко, Кэтти, и у него тоже другие заботы. В разлуке легко забыть друг друга.

– Отец нас никогда не бросит! – тоном глубокого убеждения сказала Кэтти, и мать невольно рассмеялась.

– Конечно, но мы с ним не близки, как и с тобой. Столько лет он один содержал нас всех… У тебя остались фотографии друзей?

– Конечно.

– Когда есть фотографии, проще сохранить воспоминание. А у меня ничего не осталось на память об Аллане. Мы никогда не проводили много времени вместе; когда он приезжал, приходилось решать сразу много дел.

– Может быть, все вместе сфотографируемся, когда папа приедет? – предложила Кэтти. Она заметно повеселела. – Я хочу, чтобы мы сделали фотографию непременно в студии.

Мариона не ответила. Хоть она и не умела предсказывать будущее, но тягостное предчувствие волновало ее; она сама не могла объяснить причину смутной тревоги, просто в ней говорило сердце чуткой матери и горячо любящей женщины.

2

Равномерный стук колес наводил тоску. Аллан смотрел в окно на однообразный пейзаж и с трудом сдерживал зевоту. Скучные переезды из одного населенного пункта в другой составляли значительную часть его работы. «Как же мне надоела работа, – с досадой думал он, не сводя глаз с заснеженного леса за окном, – вот бы выиграть в казино крупную сумму или получить награду за многолетний труд и обеспечить себя и семью до конца жизни». Аллан рассмеялся своим мыслям. «Как было бы хорошо сидеть дома с Марионой, постоянно видеть семью, как все нормальные люди. Ох, проклятые деньги! Все

равно никогда не найду другого места, где мне бы так много платили. Растет безработица, экономический кризис… Вот и придумали бы ученые да экономисты, что нам, простым смертным, делать, а не цены поднимали да налоги новые вводили».

Его печальные размышления были прерваны приходом сослуживца.

– Аллан, одолжи зажигалку, не могу свою найти.

Гидеон закурил.

– Прохладный вечер. Ночью заморозки обещают.

– Северный край – чего уж тут ждать.

– Скучаешь по семье?

Аллан кивнул.

– Да, на такой работе хорошо одиноким, как я. А тебе зачем в такую даль ехать, жену и детей бросать?

– Нужда заставляет, – вздохнул Аллан. – Была бы моя воля, я бы вовсе никуда не ездил.

– Если бы я был богатым, как Крез, путешествовал бы по свету в свое удовольствие. Сейчас бы в Египет поехал или в Мексику… Слушай, ты новости смотришь?

– Редко. Да что там смотреть? Нового ничего не скажут, все старую песню поют, наизусть выученную: население растет, население переезжает, доллар растет, евро падает, евро растет, доллар падает…

– Я не о том. Политику смотришь?

– Нет. Нам простым смертным, все равно, кто к власти придет – в нашей жизни ничего не изменится. Знай свое дело – работай да семью корми. И помирай в срок, на земле не задерживайся, а то, знаешь, население растет, ресурсов не хватает.

– Опять ты о своем. Большие перемены грядут, Аллан, выберут нового президента – тогда хлебнем горя.

– Что будет, то и будет.

Аллан вышел из вагона для курения и остановился у окна. Мелькали леса, домики, станции… «Гонимся куда-то, политикой интересуемся, а зачем? Там наверху без нас решение примут, нас не спросят. Позовут выбирать нового президента – выберу, позовут на войну – пойду. Я всю жизнь плыл по течению – а есть ли смысл в сопротивлении? Мое слово в судьбе мира ничего не решит», – рассуждал Аллан.

А за окном проносились леса, домики, станции… Одно только серое небо спокойно и холодно взирало на происходящее на земле.

3

Через месяц Мариона устроилась на работу в музыкальную школу, а Кэтти нашла место продавца в цветочном магазине. Теперь, как и хотела мать, у нее были новые знакомства и работа.

В цветочном магазине работали еще две девушки. Одна так и не познакомилась с Кэтти – их смены никогда не совпадали, а сама девушка, тоже робкая и необщительная, не стала искать поводов сблизиться, вторая же скоро стала новой подругой Кэтти. Звали ее Клеверра.

Кэтти и Клеверра были настолько не похожи, что сами удивлялись, отчего продолжали общаться. У обеих девушек не было близких подруг: Кэтти никогда не знакомилась с людьми первая и не предлагала никому дружбы, а Клеверра – эгоистичная и самоуверенная – считала себя самой красивой и с трудом ладила с девушками. Не пользуясь уважением у противоположного пола, она винила

в этом не себя, а недостойных кавалеров, которые не смогли по достоинству оценить ее идеальной внешности и характера. Кэтти, скромная и застенчивая, хорошо умела ладить с людьми, но юноши не обращали на нее внимания – она не обладала привлекательной внешностью. Точная копия отца – маленькая, полная, с невыразительными глазами, некрасивыми чертами лица и большими ладонями, она никогда не нравилась даже Коралу. От стройной красавицы матери она унаследовала только чудесные серебристо-серые волосы. Необычный цвет волос придавал Марионе сходство с феей на картинке в детской книжке, но Кэтти была очень некрасива, несмотря на прелестные волосы.

После работы Клеверра водила подругу в кафе и в парки, знакомила с молодежью, но Кэтти по-прежнему чувствовала себя неуютно в шумных компаниях людей с чуждыми ей интересами. Кэтти вскоре узнала все о тайм-кафе, клубах, квестах и вечеринках, но не нашла среди молодежи ни друзей, ни подруг. Клеверра не обижалась, встречая равнодушие подруги – она наслаждалась сама и не требовала, чтобы Кэтти разделяла ее увлечения. Ей был чужд и безразличен внутренний мир подруги, и она даже не пыталась это скрывать.

Кэтти была одинока. Став взрослой, она меньше времени проводила дома, Мариона больше не вела с дочерью откровенных разговоров, и единственной отрадой девушки оставалась игра матери на пианино. Музыка уносила ее в светлые дали, напоминала о друзьях и вселяла в сердце надежду – пусть даже слабую – найти свое счастье.

«Через несколько лет я встречу человека, близкого мне по духу, мы поженимся и будем жить вместе с детьми в небольшой квартире тихой и размеренной жизнью», – так мечтала Кэтти. Она была предназначена для роли хозяйки, матери, тихой и незаменимой женщины, скромной подруги, и девушка продолжала терпеливо ждать своего маленького счастья.

4

Закончился трудовой день, и Аллан вернулся в домик, где они с напарником отдыхали по вечерам. Он очень устал и хотел только скорее лечь, однако переселил себя и вышел прогуляться. Напарник не возвращался, и Аллан решил дождаться его, чтобы поужинать вместе.

В этот раз его мучила тоска по семье сильнее, чем обычно. По ночам ему представлялись Мариона и Кэтти, так хотелось поскорее обнять их и остаться дома, кроме того, причиной его меланхолии была сильная усталость. «Старею, – с сожалением подумал Аллан, – придется уходить с работы, жаль. Не могу больше ездить на север на нефтяные скважины, хоть дело и приносит много денег. Раньше работать было легко, легче и расставался с Марионой. Трудно будет найти другой заработок, но ведь нельзя вынуждать Мариону работать за двоих».

Аллана окружала необыкновенной красоты природа, но даже она не могла развеять тяжелых дум. Строгая северная красота настраивала на серьезные размышления, и Аллан начал вспоминать всю свою жизнь с ранних лет. Впрочем, жизнь прожил долгую, а вспомнить в общем-то нечего – он никогда не стремился достичь необыкновенных высот, много работал, кормил большую семью, легко переносил тяжелые условия и всегда отлично справлялся со всеми обязанностями. Он один всю жизнь не менял места работы – остальные сослуживцы – новички, молодые, года два-три здесь проработали, надеются со временем найти лучшее место. Сам Аллан давно уже отказался от тщетных поисков – все хорошие места заняты, туда нелегко устроиться; да, трудной стала жизнь для простого человека. И раньше нелегко было, а сейчас и вовсе невыносимо стало.

От мрачных размышлений Аллана отвлекло появление напарника.

– Пойдем в тепле посидим, – предложил он, – телевизор посмотрим. Нынче погода не для прогулок.

В домике они пили чай и смотрели новости, из которых, однако, так ничего и не поняли о новом законопроекте, касающемся водителей.

– Слушаем напрасно, все равно ничего не поймем. Нарочно так говорят, чтобы мы ничего не поняли, – ворчал Аллан, закусывая бутербродом с консервами. – Да и зачем нам в этом разбираться? У меня нет машины, меня закон не касается.

– Законы всех касаются независимо от того, есть ли у тебя машина, – начал Гидеон, но Аллан прервал его:

– Лучше бы линию здесь провели, чтобы я мог с женой разговаривать свободно. А то 21 век на дворе, в информационном обществе живем, а дозвониться невозможно – здесь нет сети. Почему я должен каждый раз разговор с семьей заказывать в служебном кабинете?

– Вечно ты всем недоволен.

– Пойду позвоню домой.

Аллан оделся и вышел из домика. К вечеру температура упала еще на десять градусов, земля замерзла, и жесткая корка хрустела под ногами; высокие ели стояли неподвижно и гордо, будто сторожи тайги.

Дом служащего находился далеко, до него было минут десять ходьбы по морозу, и Аллан, продолжая проклинать мобильную связь, которая по необъяснимой причине отсутствовала в их регионе, отправился на еженедельную прогулку заказать звонок. Чаще, чем раз в неделю, пользоваться общественным телефоном не разрешалось, а веской причины, чтобы настаивать, у Аллана не было. Как объяснить равнодушному начальнику, что он скучает по семье? Разве хоть кого-нибудь интересуют его мелкие ничтожные проблемы?

Оставшись один, Гидеон немного посмотрел телевизор, потом, зевая, вышел на свежий воздух.

«Задавили совсем человека. Жаль, конечно, что ему так тяжело приходится, глядя на него, каждый раз радуешься, что не женат».

Строгая красота тайги навевала и ему серьезные думы, но Гидеон привык лишь повторять заученные фразы, которые слышал в новостях или от своих товарищей, поэтому его размышления были случайными и бессвязными. Он с нетерпением ждал знакомого хруста ледяной корки, подпрыгивал, пытаясь согреться, и недоумевал, отчего напарник не возвращается так долго. Мороз усиливался, набежавшее облако закрыло месяц, и Гидеон вернулся в домик, решив в тепле дождаться возвращения Аллана.

Аллан примерно полчаса умолял начальника разрешить ему позвонить.

– Понимаете, я уже целую неделю не говорил с женой. Я скучаю, очень хочу услышать ее голос.

– Извините, линия занята, идут важные переговоры.

– Так я сегодня не смогу поговорить с женой?

– Вам лучше идти, правда. Линия освободится нескоро. Приходите завтра.

Обычно Аллан не вступал в переговоры с начальством: разрешили разговор – он звонил Марионе, не разрешили – с сожалением возвращался в домик, но теперь на него нашло умопомрачение, и он продолжал настаивать, хотя и понимал, что своим упорством ничего не добьется.

– Я не уйду, пока не получу права на разговор.

– Боюсь, тогда Вам придется ждать до ночи.

– А если с моей семьей что-то случилось? – внезапно спросил Аллан.

– Насколько мне известно, с ними все в порядке, – сухо ответил начальник. – Спокойной ночи.

Отчаявшись, Аллан сплюнул и, продолжая ругаться, вышел из кабинета; лишь на улице он опомнился и пожалел о впустую потраченном времени и ненужных, бессмысленных словах. Зачем говорить то, что никого не интересует и ни на что не влияет? Еще более расстроенный, чем до разговора с начальством, Аллан резко остановился – после неудачных переговоров возвращаться к Гидеону не хотелось, и он медленно побрел по дороге, вдыхая морозный воздух. Мысли его вернулись к семье; он вспоминал ласковую и нежную Мариону, которая никогда не говорила ему о любви, но в ее привязанности не приходилось сомневаться. Аллан обожал жену, вместе они прошли через все испытания, уготованные им судьбой, пережили трудные годы, времена изнурительной работы и низкой зарплаты, когда приходилось кормить себя и детей. Когда родилась Кэтти, он очень обрадовался появлению дочери и мечтал вырастить

красавицу и умницу, как Мариона, но дочь не оправдала его ожиданий, тем не менее, он любил девочку и видел в ней черты сходства с собой, причем не только внешнего. Когда сердобольная Мариона взяла в их семью Кристеллу и Корала, Аллан принял их как дочь и сына, однако содержать такую большую семью оказалось нелегким делом. Мариона и Аллан решили больше не заводить детей.

Хотя Аллан заботился обо всех детях и старался воспитать из Корала настоящего мужчину, именно свою родную дочку он понимал с полуслова и часто сочувствовал ей в ее детских горестях, только с ней он мог говорить долгими вечерами напролет.

Да, много трудностей выпало на их долю, но много было и радости. Были счастливые дни, проведенные с женой, игры с детьми и музыкальные вечера. Острая тоска по дому подступила к горлу, и у Аллана мучительно перехватило дыхание. Он так глубоко задумался, что не заметил, как сильно замерз; потирая обледеневшие руки, Аллан побежал к домику, где его уже с нетерпением ждал Гидеон.

– Не разрешили поговорить?

– Нет. Жесток мир! – Аллан передернул плечами. – Пора пить чай. Знаешь, давай новости что ли посмотрим, а то я устал.

Новости, однако, уже закончились, и Гидеон предложил посмотреть спорт. Аллан не интересовался хоккеем, но возражать не стал – он чувствовал себя разбитым, у него болела голова и слегка знобило.

6

В конце октября постоянно шли проливные дожди, и Кэтти редко ходила гулять. Почти каждый день после работы она сразу возвращалась домой и подолгу сидела на кровати, не меняя позы. Клеверра редко навещала ее, но часто звонила, и Кэтти приходилось подолгу выслушивать подробные рассказы о том, как очередной неудачливый кавалер отказался от попыток угодить высокомерной девушке и перестал с ней общаться. Дни Кэтти проходили однообразно, в полном одиночестве.

Однажды Мариона нарушила ее уединение.

– Отец не звонил на этой неделе, но через две недели у него заканчивается смена, и он должен приехать.

Кэтти очень обрадовалась.

– Папа приедет! Как хорошо, я уже устала ждать.

– Никогда нельзя уставать ждать, – грустно вздохнула Мариона, снова оставляя дочь одну.

«Где же сейчас ее приемные дети? Не звонят, не сообщают о своих делах. Вот какими глупыми бывают молодые! Придумали на семь лет расстаться! Как жаль, что молодые редко умеют ценить настоящую дружбу. Им всегда кажется, что на смену старым отношениям придут новые, и они легко забывают о доме, где их ждут, и о прежних привязанностях. Со временем они все поймут, конечно, но будет уже слишком поздно».

Мариона села за пианино, но играть не стала. Ей вдруг вспомнилась ее молодость – как она, 20 лет назад, так же сидела за роялем, а сзади подходил Аллан и потихоньку закрывал ей глаза. Далекие счастливые времена… хотя никогда, даже в юности, она не была такой беззаботной и веселой, как Кристелла и Эльза. Кэтти в них с Алланом – даже в радостные минуты на их лицах лежала благородная печаль. Жаль, что они с Алланом так мало разговаривали – он редко бывал дома, дела отвлекали… Время упущено, ушло безвозвратно. Только в молодости простительно думать, что все еще можно изменить и исправить – в зрелые годы поздно начинать жизнь сначала. Приедет Аллан – и снова начнутся хлопоты, дела, и не останется времени поговорить по душам. Нужно только предупредить Кэтти, чтобы она не повторила ее ошибок, чтобы выбирала близкого по духу человека, ценила его, берегла и никогда не отпускала.

В палате тускло горел свет. Бесшумные движения медсестры и дежурного врача, кружок от лампы на потолке и свист ветра за окном… Аллан приоткрыл глаза и вновь закрыл их. Он уже смирился со своей участью, и минуты серого, беспросветного отчаяния сменились равнодушным покоем. «Как прожил свою жизнь, так и умру. Так же бесславно умираю на больничной койке и вижу в последние часы перед смертью чужие лица». Аллан отвернулся к стене. Его раздражало притворное участие врачей и начальства, их суета и лицемерное волнение, но Аллан все прощал им в свой последний час. Он не терзался угрызениями совести, не припоминал мучительно всю свою жизнь от самого рождения – нет, одно лишь сожаление, что ему не удалось повидать Кэтти и Мариону, причиняло ему душевую боль. Как тяжело им теперь придется жить без него!

Аллан сдержал стон. Разговора с Марионой ему так и не разрешили, даже когда он не смог выйти на работу и отправился в больницу, даже когда врач обнаружил, что у больного тяжелое воспаление легких и жить ему осталось недолго. Обещанный звонок продолжали откладывать, а может, и просто забыли о нем, когда Аллан слег. Хотя никто не говорил ему о смерти, Аллан чувствовал, что умирает – с каждым днем ему становилось все хуже, и странный покой начинал постепенно приходить к нему. Лежа в палате один, он притворялся спящим, чтобы не слышать назойливых расспросов и не вставать, и, когда наконец заговорили о Марионе, он отказался с ней говорить. Аллан знал, что не сможет подняться и дойти до домика начальника, да и говорить было в принципе не о чем. Ему не хотелось расстраивать жену – пусть лучше ей скажут чужие люди, от незнакомых проще получать дурные новости – а она пусть запомнит его таким, каким видела в последний раз, когда обнимала на перроне и умоляла вернуться к ним поскорей, когда они на прощание говорили друг другу обычные, незатейливые слова, которые со стороны могли показаться черствыми и невыразительными, но для них в минуты разлуки приобретали особый, глубокий смысл.

В полузабытье Аллан воскрешал перед собой образ Марионы. «Береги Кэтти, – говорил он ей, – и себя береги. Обо мне не беспокойся, скоро я перестану страдать. Помнишь, мы с тобой сидели на лавочке в конце июля, в жаркий вечер, и ты сказала, что души умерших переселяются в живых и несут им новую боль и страдание? Если ты права, я бы предпочел исчезнуть без следа, чем обречь тебя на такую муку».

Заметив, что больной затих, сиделка выключила ночник. Врачи шептались в углу палаты, их тени плясали на стенах. Легкий ветерок из-под плохо прикрытой двери донесся до Аллана, и ему почудился нежный шепот Марионы; больной вздохнул с умиротворением и задремал.

В служебном кабинете набирали номер Марионы: «Надо сообщить ей все…»

8

Мариона с удивлением посмотрела на незнакомый номер, высветившийся на экране телефона.

– Вас беспокоят из больницы. Кэтти – Ваша дочь?

– Да, а в чем дело?

Голос Марионы дрогнул.

– К сожалению, Вашу дочь доставили в больницу с серьезной травмой… Ее жизни ничего не угрожает…

Обрывки фраз. Мариона вдруг поняла, что ничего не понимает.

– Я сейчас приеду.

Серые углы домов, серые здания, тревожное мигание светофора. Что с Кэтти? Почему нельзя сразу сказать?

– Попала в дорожную аварию, получила серьезные повреждения. К ней сейчас нельзя, зайдите позже.

Мариона не ответила. Вот оно, несчастье, беда, которую она давно предчувствовала. Серые коридоры, серые двери, тревожный белый свет…

– Вы ее мать? – участливо спросила медсестра, заметив аккуратно одетую женщину, в растерянности остановившуюся у входа в отделение.

Мариона кивнула.

– Останьтесь здесь, отдохните, я позову Вас, когда врач разрешит войти.

Мариона поблагодарила ее и села в кресло. Минуты летели одна за другой, сливаясь в часы.

– Не хотите ли чая?

Бодрый голос вывел ее из оцепенения.

– Нет-нет, спасибо.

Она продолжала ждать, положив руки на колени, как статуя скорби. Не на что надеяться, нечего бояться – только ждать. Хлопают двери, вокруг кипит жизнь, врачи и больные ходят по больнице – а она сидит и терпеливо ждет, и мучительному кошмару нет конца. Первое потрясение прошло только через несколько часов, когда ее окликнул врач.

– Только прошу Вас, не волнуйте больную, – предупредил он, открывая дверь в палату. Врач уже собирался уйти, но Мариона удержала его за руку.

– Пожалуйста, скажите мне все. Всю правду.

– Правду?

Врач колебался и долго молчал, всматриваясь в спокойное, печальное лицо. Что-то поразило его в маленькой стройной женщине в простом, но изящном черном платье, и он замялся, не зная, как облегчить ее муку. Он понимал, что стоящая перед ним дама не станет биться в истерике, не упадет в обморок и примет тяжелый удар с достоинством, но от этого говорить правду становилось еще тяжелее.

– Боюсь, Ваша дочь навсегда останется инвалидом и не сможет ходить. У нее серьезные повреждения позвоночника.

Выдержанность Марионы вызвала у врача восхищение. Ему часто приходилось сообщать родственникам больных ужасные новости, но даже у него при виде сдержанной скорби и боли дрогнуло сердце. Глаза Марионы расширились и потемнели, побелевшие пальцы стиснули сумочку.

– Вот как?

Врач отвернулся.

– Извините.

– Нет, Вы правильно сделали, я должна знать.

Мариона вошла в палату к дочери. Кэтти не спала, и при виде матери губы ее дрогнули в подобие улыбки.

– Говорят, меня выпишут через месяц. Понимаешь, так глупо получилось: машина вывернулась из-за угла, Клеверра успела отскочить в сторону, а я нет… Мам, когда папа приедет?

– Через неделю. Осталось ждать совсем немного, дорогая. Когда он вернется, мы с ним вместе навестим тебя.

Они одновременно замолчали, не зная, о чем говорить. Обе слишком сильно устали, чтобы говорить ненужные, пустые слова; Кэтти закрыла глаза, и Мариона вышла из палаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

9

Впоследствии Кэтти казалось, что она не прожила, а выдержала месяц после травмы. Ее постоянно мучила боль, неопределенность ее положения, собственное бессилие и отсутствие вестей о семье. Мариона больше не навещала дочь, и Кэтти вычеркивала дни из маленького календарика,

который ей подарили в больнице.

Она стойко приняла удар только потому, что не сразу поняла слова врача. Пока вокруг суетились люди, ее отвлекали от печальных размышлений, и девушка не вполне осознавала, что означают слова врача «полное восстановление невозможно», но, оставшись одна, она вспомнила разговоры окружающих. Инвалид. Она никогда не встанет с кресла и не сможет ходить. Обычная человеческая жизнь для нее теперь закрыта навсегда. Работа, подруги, развлечения – все это осталось в прошлом, не успев подарить ей радости, а впереди – длинные однообразные дни в кровати и скупые слова утешения.

Клеверра однажды зашла проведать подругу.

– Дорогая, какой страшный удар! Неужели ты никогда не встанешь на ноги? Не могу даже представить – что ж ты будешь делать? Как теперь жить?

Как жить? Кэтти вздохнула и отвернулась к стене, стиснув зубы от сильной боли; она скоро вернется домой – вот ее единственное утешение. Девушка вдруг поняла, что всем ее мечтам о тихом, скромном, маленьком счастье не суждено сбыться. Теперь у нее никогда не появится семья, не будет детей и близкой души. Кому нужна такая некрасивая девушка, да еще и калека?

Исчерпав все слова сочувствия, Клеверра заговорила о себе и стала пересказывать приятельнице сплетни о знакомых.

– Даже не представляешь, как я тогда испугалась, – начала она, – машина неслась с бешеной скоростью. Мы могли бы обе погибнуть! Алекс – ты же помнишь Алекса – он так переживал за меня! Просил несколько раз повторить рассказ и так внимательно слушал, что я подумала: уж не влюбился ли он? На мне было новое платье – нежно-розовое, помнишь, Велла еще сказала тогда…

Кэтти почти не слушала приятельницу. Заметив наконец ее рассеянность, Клеверра остановилась:

– Ты устала? Ладно, зайду в другой раз, а ты не скучай, читай журналы и не слушай врачей: они всегда все преувеличивают.

Едва за Клеверрой закрылась дверь, Кэтти уткнулась лицом в подушку и горько заплакала. Она плакала впервые после травмы и чувствовала себя такой одинокой и покинутой, что не могла больше сдерживаться. Устав от слез и волнения, девушка вскоре забылась тревожным и чутким сном.

Ей снилась Кристелла. Веселая и счастливая подруга уверяла: «Мечты сбудутся. Они всегда сбываются, стоит только поверить в них». К несчастью, Кэтти не пришлось в этом убедиться.

10

Остановившись перед подъездом, Гидеон, еще раз уточнив номер квартиры, позвонил. Он боялся, что его прогонят, не захотят с ним даже разговаривать, но, к его большому удивлению, дверь тотчас открылась, и Мариона пригласила его войти.

– Проходите на кухню.

Пустая квартира навевала тоску: здесь еще сохранились следы заботы и уюта, но ощущение заброшенности уже проникало во все комнаты. Шторы на кухне были раздвинуты, на столе в вазе стояли свежие цветы.

Мариона налила гостю чай, перед собой поставила пустую чашку.

– Я уже говорил Вам, что хочу помочь, – начал Гидеон.

– Это касается дочери? – неожиданно резко перебила Мариона.

– Нет, Вашего мужа… покойного мужа.

Мариона отвернулась. Гидеон, не скрывая интереса, бесцеремонно разглядывал ее. Да, именно такой он и представлял ее себе по рассказам сослуживца: красивая женщина в узком черном платье, прелестные волосы убраны в прическу, руки с тонкими гибкими пальцами пианистки лежат на столе. Про себя он с интересом отметил, что она продолжала носить обручальное кольцо, и слегка усмехнулся. Заметив его пристальный взгляд, Мариона убрала со стола

руки и сухо спросила:

– Что Вы собирались мне предложить?

– Аллан много рассказывал о Вас. Со смертью супруга Вы лишились значительной части дохода, а у Вас большая семья.

– Вас это не касается, извините.

Мариона собиралась встать, но Гидеон удержал ее.

– Я хочу дать Вам совет. Дело в том, что Вы могли бы потребовать возмещение ущерба. В преждевременной смерти Аллана виновато начальство, и, если начать судебное разбирательство, можно выиграть крупную сумму денег.

– Я не буду в этом участвовать.

– Но почему? Вам не нужны деньги? Если Вы не можете оплатить услуги адвоката, не беспокойтесь: я найму его сам. Мне нужно только заручиться Вашим согласием.

– Вы очень добры ко мне, но я вынуждена отказать.

Мариона встала.

– К сожалению, я не могу ходить по судам, мне нужно ухаживать за больной дочерью, и, боюсь, Вы напрасно потратили на меня столько времени.

– А что с Вашей дочерью? Можно нанять сиделку.

– Нет, спасибо, я справлюсь сама.

Гидеон допил чай и направился к выходу. «Она либо безнадежно глупа и не понимает своей выгоды, либо я ей настолько отвратителен, что она не хочет иметь со мной дел». На пороге Гидеон обернулся: Мариона ждала, и на ее лице он увидел знакомое выражение, которое так часто удивляло его

у Аллана – выражение непонятной упрямой покорности. Ему вспомнились слова напарника: «Плыть по течению, чтобы сохранить себя». В ту минуту Мариона напомнила ему Аллана, а он никогда не понимал таких людей. Сухо простившись с ней, Гидеон навсегда покинул их дом, вычеркнув из памяти понравившуюся ему женщину.

Часть вторая. Корал

1

Корал остановился перед дверью кабинета с номером 51, нерешительно постучал в дверь и, не получив ответа, отошел к окну. В свинцово-сером небе трепещущей точкой блестел мерцающий огонек метеорологической станции. Жаль, что он не верит в НЛО, а то бы сейчас мог фантазировать, кто прилетит на землю и в каком году это удивительное событие произойдет. Историк. История не знает слова «бы», но разве может сухая бездушная наука запретить ему предаваться мечтам? Сколько раз полет фантазии уносил его прочь от скучной университетской действительности, от серых однообразных будней? Разве он не имеет права мечтать?

Услыхав шаги за спиной, Корал, смутившись своих мыслей, быстро обернулся и увидел профессора.

– Вы ко мне? – профессор открыл дверь и пригласил юношу войти.

– Я бы хотел начать вести исследовательскую работу под Вашим руководством, – начал Корал.

Профессор неторопливо сел за стол, разложил бумаги и долго перелистывал страницы, потом, не найдя того, что искал, убрал бумаги в стол и вышел из кабинета, оставив Корала в совершеннейшем недоумении. Юноша не знал, стоит ли ждать профессора или ему пора уходить, но профессор неожиданно вернулся и принес две чашки горячего чая.

– Угощайтесь, – он откинулся на спинку стула и закрыл глаза, – не правда ли, нет на свете ничего лучше чая? И как можно начинать разговор не в уютном кресле, а на бегу, в коридоре? Беда нашего времени: вечно спешим, торопимся, суетимся, как муравьи. Вот теперь я готов Вас выслушать. Какой темой Вы интересуетесь?

– Я хочу изучать историю обрядов или современные проблемы глобализации, что Вы посоветуете?

Впервые в глазах профессора блеснули искорки смеха, и Корал сразу почувствовал, как между ними тает лед.

– И вам безразлично, что я выберу? Проблемы глобализации… да, эта тема сейчас очень популярна. В СМИ постоянно высказываются разные точки зрения, да и вы между собой наверняка не раз обсуждали… Знаете, Вы человек молодой, а я старый и консервативный, мне новые веяния не по душе, поэтому я склоняюсь к истории обрядов.

Корал кивнул.

– Никогда не пожалеете, что выбрали эту тему, доверьтесь моему опыту. Это ничуть не менее интересный вопрос. Мы сейчас сидим и пьем чай, а кто знает, где и когда зародилась такая традиция? Национальная черта англичан, чайная церемония японцев… Заметьте, в обыкновенном чаепитии тоже проявляется тесная связь поколений, эпох и народов. Разве не романтично говорить об этом?

Профессор улыбнулся.

– Приходите ко мне каждый четверг после 5 часов, будем беседовать об истории обрядов.

2

Следующим вечером Корал сидел в небольшом уютном кафе и, забыв о проливном дожде за окном, не сводил глаз с очаровательного личика девушки. Кира внимательно слушала его рассказ о посещении профессора, и, хотя ее лицо

не выражало ни живейшего интереса Кристеллы, ни томной задумчивости Эльзы, ни скромной вежливости Кэтти, все в ней отдаленно напоминало юноше друзей, и у него потеплело на сердце. Кира куталась в пушистый шарф, ее нежные волнистые волосы касались его руки, но Корал не ощущал того душевного смятения, неловкости и робости, которые появляются в минуты зарождения глубокого чувства. Кира просто нравилась ему и манила, как любая девушка на ее месте, но ради нее он не стал бы рисковать жизнью или бросаться в воду.

В кафе играла неторопливая музыка, и Корал ждал, что Кира захочет потанцевать, но она только плотнее куталась в пушистый шарф и улыбалась – девушка не умела танцевать.

– Послушай, – Кира чуть ниже наклонилась над столом, и Корал ощутил легкий аромат ее волос и пушистого шарфика, – а у тебя есть какая-нибудь сокровенная мечта? Такая, о которой никому, кроме самых близких друзей, не рассказывают? Мы ведь с тобой близкие друзья?

Коралу не хотелось отвечать. Едва ли Кира могла стать его близкой подругой, но, не желая обидеть девушку, он галантно ответил:

– Я мечтаю преподнести тебе в дар весь мир.

Музыка игра негромко, но маняще. Кира рассмеялась, откидывая длинные пряди с лица, и доверчиво прижалась к плечу Корала.

Корал никогда ни о чем не жалел – о словах, поступках и однажды принятых решениях. Выросший без родителей, он привык брать пример с приемного отца, и, хотя в детстве он редко видел Аллана, а, став взрослым, уехал из дома, мальчик впитал самую суть мировоззрения Аллана, далеко не всегда его понимая. Вот почему, несмотря на молодые годы, он относился ко всему с философским спокойствием, которое обычно приходит лишь с годами и зовется мудростью.

Он никогда не жалел о выборе темы для своей дипломной работы. Еженедельные занятия с профессором оказались увлекательнейшими рассказами о давно прошедших временах, оказавших больше влияние

на настоящее. Профессор учил Корала видеть главное. Окажись на его месте человек честолюбивый и расчетливый, он бы сразу отказался слушать рассуждения за чашкой чая, вместо того чтобы рыться в архивах в поисках нового интересного материала, но Корал был преемником Аллана, и, хотя молодая кровь будила в нем иные желания, он с удовольствием посещал 51 кабинет и зачастую сидел с профессором до темноты.

Его отношения с Кирой приняли межу тем несколько натянутый характер. Кира не умела смотреть на вещи как философ или романтик, и ей не хватало одних только встреч в кафе и долгих прогулок, но не слишком опытная в любовных делах девушка не знала, как дать понять Коралу, что она не удовлетворена. Корал же не ждал слишком многого от их союза, который со временем должен был распасться так же, как всегда заканчиваются все подобные отношения, не основанные ни на чувстве, ни на расчете. Кира, не влюбленная в Корала, не могла решить, как ей поступить – стоит ли связать свою судьбу с человеком, совершенно ей чужим, или лучше подождать – время покажет? Однако судьба распорядилась иначе, сняв с ее плеч груз ответственности за происходящее, и ждать ей не пришлось слишком долго…

3

На втором году их затянувшихся отношений одна подруга Киры выходила замуж и пригласила Киру с Коралом вместе на свадьбу. Читая приглашение, Кира искренне удивлялась:

– Она позвала нас вдвоем, хотя прекрасно знает, что мы не расписаны. Вот видишь, в глазах окружающих мы с тобой почти семейная пара.

Корал кивнул, рассеянно улыбаясь, Кира же пыталась убедить себя в верности принятого недавно решения – предложить Коралу пожениться. Раз он сам медлит, надо брать инициативу в свои руки. Времена сейчас изменились, жизнь диктует свои правила, а ей никак нельзя упускать свой шанс. Кира решила завести разговор о браке сразу после свадьбы друзей – вдруг он тоже об этом подумает или даже (смутная надежа не покидала ее) сам сделает предложение? Мысль о том, что она станет законной женой и укрепит свое право на внимание Корала, немного утешало Киру в отсутствие «книжной любви». Кира не читала любовных романов и не воображала свиданий с рыцарями на балах, но, как

любой девушке на ее месте, ей хотелось, чтобы достойный избранник оставался верным ей до гроба. Они с Коралом были, в сущности, совершенно разными людьми и мало подходили друг другу: Корал желал чего-то смутного, неопределенного, едва различимого сквозь дымку мыслей и ощущений, там неизменно звучали триумфальные гимны, и девушка с бледным лицом пела одну и ту же печальную песню о любви. Он никогда не говорил об этом с Кирой, и девушка чувствовала его неоткровенность, но старалась не обижаться и не придавать большого значения его вздохам, мечтам и размышлениям. «Главное – он меня любит, в этом нет сомнений», – считала Кира. И в самом деле, он вел себя с ней безупречно, всегда был предупредителен, тактичен и нежен, дарил цветы и окружал такой заботой, что Кира чувствовала себя совершенно счастливой.

Получив приглашение, Кира сразу начала готовиться к празднику, купила новое платье и подарки друзьям и делала все с таким энтузиазмом, что Корал, глядя на нее, не переставал удивляться ее оживленному лицу. Он не догадывался о ее планах; Корал продолжал посещать вечерние занятия у профессора и работать.

Все их деньги, впрочем, тратились в основном на оплату комнаты, найденной по объявлению, и на довольно скудное питание. Кире раз в месяц присылали деньги из дома, и она тотчас отправлялась по магазинам, чтобы обновить гардероб или купить приятные мелочи для дома. Но от заключения брака Корала удерживали, конечно, отнюдь не материальные трудности.

4

В то время как Кира выбирала подарок друзьям и готовила наряд, будущая пара решала сложный вопрос: как организовать веселый пышный праздник, не имея никаких денег, кроме скудной зарплаты жениха. После недолгих колебаний отмечать свадьбу решено было дома. Соня перечитала все кулинарные книги, долго выбирая блюда для застолья, составляла список покупок, взяла напрокат свадебное платье и накануне праздника вечером сидела в полумраке, положив голову на плечо Антона, и отдыхала от дневной суеты. Несмотря на серьезные материальные затруднения и усталость от хлопот, молодые чувствовали себя совершенно счастливыми.

– Милочка, послушай, может, не будешь готовить салат? Ты ведь так устала, а завтра нам еще предстоит развлекать гостей, – говорил Антон.

– Спасибо за заботу, но я хочу провести праздник именно так, как запланировала, ведь такой день случается всего раз в жизни!

Они сходили с ума друг от друга. Соня ни на минуту не отходила от жениха, а Антону казалось, что девушка устала или чем-то недовольна. Они любили друг друга так, словно дышали одним воздухом, вместе с тем их естественная забота и искренне внимание не могли не вызвать умиление.

5

Едва ли Корал мог ответить на вопрос, чем его так привлекла Юлия. Она не была красавицей, не обладала тонким вкусом и врожденным изяществом, которое всегда производит такое выгодное впечатление; на первый взгляд она мало чем отличалась от остальных гостей на свадьбе, но это мимолетное впечатление вскоре уступало место интересу и удивлению. Девушки презрительно отворачивались, услыхав ее громкий смех и неестественный жеманный голос. У нее не было постоянного кавалера, но все юноши замечали ее присутствие и считали своим долгом обменяться с ней хоть парой слов. Несмотря на раскованность, она не давала никому поводов для вульгарных заигрываний или низких шуток – Юлия чувствовала тонкую грань, отделяющую приличие от пошлости, и не переступала ее. С ней разговаривал все мужчин, хотя никто не мог сказать, что она ему нравилась – просто Юлия вызывала интерес, и казалось таким естественным делом присесть рядом с ней на диван. Ее ненавидели все женщины, но она никогда не давала повода открыто оскорблять ее и держалась от женского общества в стороне.

Кира столкнулась с ней лицом к лицу, когда выходила из комнаты, и сразу ощутила необъяснимую неприязнь к такой модной, нарядной, чересчур ярко и вычурно одетой девушке. Юлия посторонилась, пропуская ее в дверь; не став исключением из общего правила, Кира окинула уничтожающим взглядом свою соперницу и прошла мимо, высоко подняв голову.

В то время как Антон и Соня наслаждались своей идиллией, вокруг Корала, Киры и Юлии разыгрывалась старая драма с новыми актерами – древняя, как мир,

пьеса, где все роли давно расписаны вплоть до отдельных слов. Юлия всецело завладела вниманием юноши. Корал сначала нерешительно, затем все более уверенно заговорил с ней, потом пересел на диван и продолжил непринужденную беседу так, словно никогда и не отходил от нее. Внимание юноши льстило Юлии – никогда прежде она не добивалась успеха так быстро и почти без усилий с ее стороны. Теперь она уже не могла остановиться. ее захлестнул азарт и восторг.

Корал никогда не мог понять, что заставляет мужчину увлекаться такой девушкой, как Юлия. До этого дня он считал себя свободным от подобного влияния и был уверен, что ни за что не поддался бы соблазну, но Юлия лишила его способности рассуждать – его будто захватило огромной волной и несло навстречу гибели, а он не мог и не хотел сопротивляться.

Вскоре дружеская компания в гостиной разделилась на две неравные группы: участники представления и безмолвные зрители. На Корала с Юлией поглядывали все: девушки прониклись еще большей неприязнью к своей успешной сопернице, а юноши новыми глазами смотрели на свой предмет восхищения и на кавалера, которого она выбрала, одни только Антон и Соня не замечали напряженной ситуации, поглощенные своей любовью и не видевшие больше ничего вокруг. В гостиной шутили, смеялись, ели, пили и разговаривали каждый о своем, но, даже не оборачиваясь, все видели перед глазами счастливую Юлию и увлеченного ей Корала.

В старые времена мужчина мог вызвать оскорбителя на дуэль, в новом мире он, в зависимости от статуса, либо без лишних церемоний ударил бы его здесь, либо, опасаясь публичного скандала, подождал бы, пока обидчик выйдет из дома и сядет в свой роскошный автомобиль, после чего, как тень в ночи, бросился бы за ним в погоню. Женщинам же во все времена оставалось лишь сжимать руки, бросать красноречивые взгляды на соперницу и сочинять пламенную речь, которую муж или друг услышит, переступив порог дома.

Кира тщетно пыталась изображать душевное спокойствие. Она равнодушно смотрела в окно, шутила и старалась участвовать во всеобщем веселье, в то время как в голове у нее проносились сотни мыслей, а с губ готовы были сорваться очень некрасивые слова. Что за пытка сидеть здесь и краем глаза следить за тем, как твой будущий муж расточает комплименты другой? Да кто в конце концов эта Юлия и чем заслужила его внимание?

Корал слегка приобнял Юлию, и Кира, заметив его движение, с трудом удержала стон. Она закусила губу и отвернулась, вспомнив, как он впервые обнимал ее год назад. Она не знала, куда ей смотреть и как сдержать слезы, которые против воли начали выступать на глазах. Праздник был безнадежно испорчен, все радостные надежды и предчувствия исчезли без следа. Понимая, что она больше не выдержит, Кира подошла к хозяйке и, извинившись, попросила разрешения уйти, ссылаясь на головную боль. Заботливое участие подруги расстроило ее еще сильнее, и Кира поспешила уйти, поздравив Соню и Антона со счастливым бракосочетанием. Киру провожали сочувственные взгляды: это был как раз тот редкий случай, когда бывшие соперницы превращаются в подруг, чтобы объединиться против еще боле успешной конкурентки.

Кира смутно надеялась, что Корал заметит ее отсутствие. Если же нет, рано или поздно он вернется домой, а пока ей остается только уйти, чтобы избежать позора, и терпеливо ждать.

6

Корал совершенно потерял над собой контроль. К концу дня он едва ли в полной мере осознавал, что говорил и думал. В голове стоял туман, и по мере того, как праздник близился к завершению, он начинал сильнее ухаживать за Юлией.

Как Кира и предполагала, он сразу заметил ее отсутствие и ненадолго пришел в себя, будто очнулся от тяжелого сна. Он тотчас спросил Соню, куда исчезла Кира, и хозяйка, ничего не подозревая, ответила, что девушка устала и ушла домой. Весь триумф Корала сразу поблек и утратил прежнюю привлекательность. Он чувствовал вину, что совсем забыл о ней, постепенно приходило и понимание того, как нехорошо он вел себя на празднике, и, как часто случается, чувство вины вскоре сменилось желанием еще сильнее подразнить судьбу. «Я потом ей все объясню», – подумал Корал, не зная, впрочем, что именно он собирался объяснять, Его напускная веселость еще больше оживила игру, и Юлия так ни о чем и не догадалась. Он вызвался проводить ее до дома, отмахнувшись от последних доводов разума, и сердце Юлии забилось в радостном предчувствии.

Юлия испытывала одновременно волнение, гордость и радость. Никогда прежде ей не удавалось добиться такого головокружительного успеха, и теперь, как

свойственно женщинам, она уже начинала строить планы на будущее. Они будут встречаться, потом поженятся, и она всем покажет, какого очаровательного и галантного кавалера она получила.

Корал и Юлия стояли во дворе перед домом Юлии. Она жила с родителями, но теперь они уехали в командировку, и девушка пользовалась долгожданной свободой. Их окружала романтическая темнота, мягкий свет фонарей лился на дорогу, красота ночного города завораживала и усиливала ощущение сказочного сна.

– Может, посидим у тебя дома? – как бы невзначай бросил Корал.

– Уже поздно, – нерешительно возразила Юлия, отпирая дверь. Как и Корал, она смогла найти себе оправдание – просто невежливо выгнать человека из дома после того внимания, которое он ей оказывал весь день.

Когда они оказались в комнате, Юлия робко спросила:

– Тебе здесь нравится?

Вместо ответа Корал обнял ее за талию и увлек дальше в темноту.

7

А в это время Кира ждала дома Корала. Она дожидалась его уже несколько часов и в конце концов совершенно отчаялась. Сначала Кира готовилась, как она будет держаться с Коралом после всего, что о себе позволил, представляла их разговор, потом ее возмущение сменилось жалостью к себе; время шло, а Корал не возвращался. Кира дала себе слово не звонить ему и не делать шаг к примирению первой, но впоследствии она пожалела об этом. Раздражение, недоумение, слезы и отчаяние сменяли друг друга. Наконец, измученная душевной борьбой, Кира села у окна и стала смотреть на пустую улицу, не включая свет. Сцены прошлого вставали перед ее глазами: картины счастливого прошлого, когда они жили вместе, и все было таким понятным и определенным. А теперь он не хочет вернуться.

Настал миг, когда Кира поняла, что Корал не вернется. Она смотрела на пустую улицу, на проезжавшие мимо машины и золотистый блеск фонарей и пыталась представить свою жизнь без Корала. Он останется у Юлии, забудет о ней навсегда… да, но ведь должен же он вернуться хотя бы за вещами. Думать о расставании навсегда Кира не могла, но не потому, что сильно полюбила Корала – просто теперь рушилась вся ее привычная жизнь, такая благополучная и надежная, с счастливым определенным будущим. Разве приятно чувствовать себя надоевшей, брошенной, оставленной ради какой-то некрасивой дуры с фальшивой улыбкой и вульгарным смехом.

Кира прислонилась лбом к стеклу, слезы непрерывным потоком текли по ее щекам. Как несправедливо было лишить ее последней надежды, когда она все распланировала, только не успела серьезно поговорить с Коралом! Кира давно уже перестала осыпать его упреками – она готова простить Корала, если только он вернется. Она согласна уступить, только бы он не уходил навсегда.

Кира плакала, молча глядя в окно. В доме напротив давно погасили свет, а она продолжала бессмысленно вглядываться в пустую темную улицу, все еще не теряя надежды увидеть знакомую фигуру в черной кожаной куртке. Но она не появлялась…

8

Когда кончилось веселье, пришел мучительный стыд. Юлия плакала, сидя на кровати, и повторяла, как помешанная, один и тот же вопрос:

– Так ты не любишь меня? Это только игра? У тебя есть возлюбленная?

Слова Корала прозвучали как гром. Это был самый жестокий приговор: неужели он воспользовался ее слабостью и просто… подшутил над ней? Развлекся? Он даже не собирался с ней встречаться? Зачем же тогда понадобилась эта глупая дешевая игра? И Юлия плакала, оскорбленная до глубины души, выставленная в самом невыгодном свете – и все напрасно!

Она плакала отчасти напоказ, надеясь разжалобить Корала, отчасти от унижения и оскорбленного самолюбия, отчасти от растоптанных надежд и стремлений, но юношу не трогали ее слезы. Он вспоминал Киру, с мучительной

болью представлял ее одиночество и отчаяние и тяготился тем, как нехорошо он поступил с обеими девушками – отверг одну и ввел в заблуждение другую, а в итоге ему не нужна ни одна из них…

Юлия больше не привлекала Корала, и теперь он не мог понять, почему заигрывал с ней на празднике. С распухшими красными глазами, перепачканными тушью, с растрепанными волосами и наполовину стертой косметикой девушка уже не казалась ему красавицей. Он не знал, как ее утешить, не хотел и не мог ничего говорить.

– Прости, – только и сумел сказать Корал, закрывая за собой дверь.

Едва Корал скрылся за дверью, Юлия упала на кровать и зарыдала. «Чем я не понравилась ему? Почему он не захотел остаться? Правда ли у него у него другая девушка или это тоже гнусная ложь?» Мысли начинали путаться у нее в голове, и Юлия легла спать, но долго лежала с открытыми глазами: потрясение было слишком велико. Не выдержав, Юлия встала, чтобы достать снотворное. «Полагаю, все же он завтра вернется, – решила она, – может, еще передумает и захочет остаться».

Луна освещала комнату. У Юлии дрожали руки, и порошок легко высыпался в чашку. Девушка улыбнулась своим мыслям и не заметила, что насыпала слишком большую дозу. «Варись, приворотный напиток», – пошутила она. Лунный свет оставлял длинные белые полосы на полу, а в чашке темнела и пенилась роковая жидкость, готовая подарить вечный сон и покой.

9

Корал вышел от Юлии глубокой ночью. В голове стоял туман, он совершенно не представлял, куда ему идти и что делать. Он сбежал от Юлии под влиянием порыва, стыдясь своего поведения, и теперь уходил прочь от ее дома, стремясь перечеркнуть все произошедшее за вечер. Ему хотелось забыть об их позорной связи, о глупой дешевой игре, но при мысли о возвращении к Кире ему становилось еще хуже. Он вовсе не стыдился и не боялся скандала, но сама мысль о Кире вызывала у него тошноту. Все прошлое словно бы отразилось перед ним в другом свете, и без того большая разница между ними превратилась в пропасть. Вернуться домой и снова просить прощения за то, что

ему скучно с ней, что он никогда не понимал ее и не поймет – все это теперь казалось Коралу просто невыносимым. Не в силах придумать, что ему делать, Корал побрел по пустой улице и остановился, лишь когда почувствовал, что не может больше ступить ни шагу. Не в силах сопротивляться страшной усталости, он лег на лавку в остановке и уснул. Молодое крепкое тело просило отдыха, и даже жесткая скамья показалась ему мягкой кроватью. Когда Корал проснулся, уже рассвело, и мимо проходили люди, бросая на него подозрительные взгляды. Теперь Корал окончательно пришел в себя и в испуге вскочил. Неужели он и в самом деле уснул на лавке, как бездомный?
От неудобной позы затекли ноги и руки, его мучил голод, и Корал, пошатываясь, вышел из остановки и пошел искать ближайший продуктовый магазин.

Он совсем не знал этот район и битый час потратил на поиски универмага. Наконец в небольшом киоске он купил булочку и бутылку воды и, подкрепившись, почувствовал себя гораздо лучше. Целый день Корал скитался по городу, не зная, куда идти, и только под вечер он вдруг вспомнил, что профессор перенес занятие на вечер того дня, и страшно обрадовался.

В назначенное время Корал уже стоял около кабинета 51. Он предвкушал не только умиротворяющий неторопливый разговор, но и горячий чай: с самого утра он больше ничего не ел. Профессор вошел, приветствовал Корала и предложил ему печенья с чаем; он проницательного взгляда профессора не укрылось возбужденное и измученное состояние юноши.

– У Вас все в порядке? – участливо спросил он, наливая Коралу вторую чашку. – У Вас неважный вид.

Корал смутился, вспомнив, как тщательно приводил себя в порядок после бурной ночи, и решительно возразил:

– У меня все в порядке.

Все же неожиданное внимание профессора тронуло Корала, а тот как ни в чем не бывало продолжал:

– Иногда так хочется поделиться с кем-нибудь самыми сокровенными мыслями и переживаниями, но некому выслушать тебя.

Немного помолчав, профессор заговорил о другом:

– В прошлый раз мы обсуждали традиции, связанные с важнейшими этапами в жизни человека. Мы говорили о ритуалах рождения и посвящения во взрослую жизнь, о свадебных церемониях и избрании главы государства. Как видите, ритуалы сопровождают нас всю жизнь. Человек замечал цикличность природы и воплощал ее в обрядах. И сегодня мы поговорим об обрядах, которые сопровождали человека в последний путь.

Корал кивнул. Не слишком веселая тема для обсуждения, но ему не приходилось выбирать. Лекция, однако, вскоре увлекла его, и он забыл обо всех трудностях настоящего. Профессор воссоздавал давно прошедшую эпоху, и перед юношей как наяву пронеслись великие времена Древнего Египта и Востока, необычные ритуалы и порой жестокие традиции. Когда профессор кончил говорить, уже стемнело, и Корал, собираясь уходить, спросил о дате следующего занятия.

– Обстановка неспокойная, молодой человек. Не стану пугать Вас раньше времени, я и сам многого не знаю, но насчет занятий ничего не могу обещать. Возможно, мы встретились сегодня последний раз. Я хотел бы сказать Вам пару слов, прежде чем мы расстанемся навсегда. Послушайтесь моего совета, уходите из университета навсегда. Выбирайте другую работу, но не сидите в библиотеке с утра до ночи. Вы не рождены для науки, но не обижайтесь, прошу. Главное – помните, что всегда и везде нужно оставаться человеком. Как бы ни сложилась Ваша судьба, какие бы испытания ни ждали Вас в будущем, помните: нужно верить в добро и оставаться способным к состраданию. Что-то подсказывает мне, что Вы сможете сохранить в себе человечность и пройдете иным путем. Буду рад со временем убедиться в том, что мои уроки пошли Вам на пользу.

Корал внимательно слушал профессора. Ему показалось, что перед ним забрезжил свет, что новый путь его ждет; он вспомнил свои прежние идеалы и мечты и дал себе слово навсегда сохранить их в себе. Никогда больше не пришлось ему встретить старого профессора, но его последние слова остались с Коралом на всю жизнь, как девиз и призыв к действию.

Уходя от профессора, Корал говорил себе: «Нужно сейчас же зайти к Юлии и объясниться раз и навсегда. Попросить прощения за недостойное поведение и уйти, но куда? Ах, если бы только можно было уехать далеко-далеко, на край света, прославиться и погибнуть там, оставив о себе светлую память. Или можно просто уехать в леса и жить там одному, забыть о Кире, о Юлии. Или вернуться в Марлоу…»

Впервые воспоминание о родном городе больно кольнуло его в сердце. Интересно, как живут его подружки-сестренки, не забыли ли его за шумом столичной жизни? За пять лет они, вероятно, сильно изменились, стали совсем взрослыми и красивыми…

У подъезда Юлии юноша остановился в нерешительности. Только теперь его охватили сомнения: а вдруг Юлия не захочет с ним даже разговаривать, вдруг просто выставит его за дверь? Луна скрылась за облаками; незнакомая дама в красивом пальто обогнала его у подъезда, открыла дверь и впустила его в подъезд, выразительно на него поглядывая, но юноша не замечал ее взглядов. Корал чувствовал, как гулко бьется сердце; секунду-другую он помедлил, потом нажал на звонок.

Дверь открыла пожилая женщина в потертом домашнем халате.

– Вы к Юлии?

– Да, – неуверенно ответил Корал, – я ее друг.

– Я провожу Вас.

Женщина указала рукой на спальню.

– Она там.

Юлия лежала на кровати так спокойно, что казалась крепко спящей. Ее рот был слегка приоткрыт, безмятежная улыбка застыла на губах. Спущенные шторы, разбросанные по постели цветы… Все кончено, не придется давать ненужные объяснения и говорить пустые, вымученные слова. Корал не сводил с Юлии глаз – умиротворенная, она снова показалась ему красивой, свежей и слишком

юной для смерти. Рядом с ней Корал чувствовал себя лишним: она теперь всегда будет спать спокойно, а его оставила жить и мучиться.

«Из этого мира ушла красота», – сказал Корал, присаживаясь к ней на кровать. Он не смог удержаться и не прошептать, наклонившись к ней, как к живой: «Прости меня».

– Как она умерла?

– Случайно насыпала в стакан слишком много снотворного. Глупая смерть. Родители бедняжки приедут только послезавтра – какая печальная новость их ждет! И нашли ее совершенно случайно – подруга пришла и стала требовать, чтобы взломали дверь. Как чувствовала. Если бы не эта случайность, мы бы долго не узнали о ее смерти. Пока родителей нет, ее убираем мы, соседи.

«Похоронный обряд», – вспомнил вдруг Корал. Какое странное совпадение. «Нет, ничто не случайно», – прошептал Корал, выходя. Он знал, что к Кире не вернется, а больше идти ему было некуда. Еще одну ночь он провел в остановке.

А Кира продолжала ждать Корала и на следующий день. Она не выходила из дома и постоянно проверяла телефон, но юноша не звонил и не писал. Не выдержав, она сама набрала его номер – никто не ответил.

Узнав о смерти Юлии, Кира испытала одновременно ревность, радость и облегчение – наконец-то Корал вернется к ней, и она примет его, примет любым, лишь бы только он не вычеркивал ее из своей жизни. Казалось, Кира идет на компромисс и договаривается с судьбой: верните мне Корала, и я непременно прощу его. Но прошло еще несколько дней, а Корал так и не вернулся. А потом в городе ввели чрезвычайное положение, и больше вестей от Корала не было.

Часть третья. Кристелла

Кент встретил Кристеллу неприветливо. Свинцово-серые тучи затянули все небо, и, хотя дождь не шел, воздух был весь пропитан влагой. Капельки воды, казалось, висели в воздухе, и из-за этого становилось холоднее и грустнее на душе. Дождь в такие минуты может принести облегчение, как долгожданные слезы, в то время как тяжелые облака давят и усиливают ощущение безнадежности.

Длинные улицы с однообразными высокими постройками, непривычными для взгляда провинциалки, тоже наводили тоску. Кристелле вспомнилась тишина и безмятежность летних вечеров в Марлоу, и острая тоска по дому сжала ей сердце. Тяжелый чемодан выскальзывал из рук, и девушка остановилась на минутку перевести дух. Мимо нее проходили люди, казавшиеся ей такими же унылыми и безрадостными, как погода, и Кристелла с трудом удерживала слезы, готовые уже заструиться по щекам. Такое же непривычное отчуждение и горькое чувство одиночества она испытала накануне отъезда из Марлоу – тогда дом тоже показался ей опустевшим без разъехавшихся друзей. Кристелла уезжала последней, и печальный взгляд Марионы на пороге, отрешенная Кэтти, провожающая последнюю подругу, до сих пор стояли у нее перед глазами. Сейчас Кристелла готова была уже пожалеть о приезде и вернуться домой; если бы девушка тотчас отправилась на вокзал за билетами, ее жизнь сложилась бы иначе, и ей не пришлось бы пережить тех удивительных событий, которые готовила ей судьба.

Около университета Кристеллу окликнула другая девушка с почти кукольной внешностью: голубыми глазами и светлыми тонкими волосами.

– Ты студентка?

– Только поступила, а ты?

– Тоже. Значит, вместе заселяемся. Идем?

Завязалась непринужденная беседа, и, как нередко случается в молодости, вскоре девушки знали друг друга лучше, чем родные сестры. Софен призналась новой подруге, что верит в интуицию и предопределение.

– Мы на одном факультете, – сказала она, – значит, попадем в одну группу. Я чувствую.

В одну группу они, однако, не попали, зато по распределению поселились в одной комнате.

– Вот это знак, – засмеялась Софен, – даже вообразить не могла, а ты?

– И я.

Третьей девушкой в комнате оказалась молчаливая Ксения. Она так и не сказала ни слова в течение первых трех дней, на все расспросы отвечала уклончиво и сама не расспрашивала соседок. С первых же учебных дней Ксения начала сидеть за учебниками и делать вид, что усердно занимается, пользуясь случаем помолчать.

2

Последующие несколько недель развеяли ложное представление Кристеллы о жизни в Кенте, а через месяц она влюбилась в новый город. Стояла необыкновенная теплая и солнечная погода, Кристелла и Софен много гуляли и с каждым днем становились все ближе, люди на улице улыбались и не казались больше угрюмыми и замкнутыми. Так понемногу они привыкли к новой жизни, такой же, как у большинства, быстрой и незаметной, которая в одночасье пролетает и вдруг оставляет человека перед пропастью, до которой один шаг. Тогда оглядываешься на прошедшие годы и спрашиваешь себя, зачем жил, но не слышно ответа…

Все в новой жизни нравилось Кристелле, кроме их комнаты. Девушка ненавидела тесную неуютную комнатку, грязные стены, старые окна, из которых по ночам дули сильные сквозняки, крошечный шкаф и жесткую постель, как в казарме, необходимость постоянно быть на виду и, главное, общественный душ. Софен разделяла ее чувства и часто предлагала снять комнату вдвоем.

– Боюсь, мы не сможем себе этого позволить, – грустно отвечала Кристелла. – Жизнь в столице и так обходиться нам слишком дорого.

О том, чтобы просить Мариону присылать больше денег, не могло идти и речи: приемным родителям и так приходилось содержать их втроем. Много слез было пролито за несколько месяцев: мучительный призрак денег преследовал Кристеллу. Софен не уставала повторять, что им нужно начинать зарабатывать самим, но учиться было тяжело, и о дополнительном заработке и речи не шло. По ночам Кристелла с досадой плакала в подушку: «Сумасшедший мир, в котором мы живем, готов предоставить за деньги дворец, а я вынуждена ютиться в клетушке в ужасных условиях и при этом успевать и учиться, и работать. Как это несправедливо!» Наконец, в глубоком отчаянии, со слезами на глазах, она засыпала.

3

В конце ноября однажды ночью Кристелла проснулась от того, что по одеялу ползло насекомое.

– Софен, – испуганно позвала она.

В ночной темноте каждый шорох казался зловещим призраком. Испугавшись, Кристелла тряхнула одеяло, пытаясь прогнать кошмар, и тут же увидела…

– Это тараканы, – страх уступил место брезгливости.

Софен зажгла свет.

– Какая гадость! Смотри, он ползет по одеялу.

Кристелла не выдержала: она села на пол и расплакалась. Тараканы стали для нее последней каплей.

– Я больше не могу здесь оставаться ни дня! Мне надоело здесь все, не хочу больше жить в грязи, в ненавистном городе…

Остальные слова потонули в потоке рыданий. Проснувшаяся Ксения безучастно смотрела на нее.

– А тебе не противно жить здесь? – плача, спросила Кристелла.

– Мы можем поменяться кроватями, если хочешь, – ответила Ксения.

Остаток ночи Кристелла просидела на кровати в одежде, а утром Софен позвонила родителям и попросила срочно выслать денег, чтобы снять квартиру. Несмотря на то, что сезон съема жилья уже закончился, девушкам удалось найти вполне приемлемый вариант: хозяйка сдавала две комнаты в трехкомнатной квартире. Девушки решили переехать немедленно, не дожидаясь выходных.

Когда Кристелла в последний раз пришла в свою бывшую комнату, Ксения лежала с книгой на кровати.

– Я пришла попрощаться, мы с Софен переезжаем на квартиру, – сказала Кристелла, стараясь, чтобы голос звучал как можно теплее, но Ксения по-прежнему хранила молчание.

– Надеюсь, условия здесь улучшатся. Мне очень жаль, что мы не смогли подружиться, может, еще встретимся когда-нибудь, – продолжала Кристелла.

Ксения не отвечала.

– Да скажи хоть что-нибудь на прощание, – не выдержала Кристелла.

После длинной паузы Ксения, не поворачивая головы, прошептала:

– Мне нечего сказать.

4

С тех пор как подруги переехали, жизнь их быстро стала улучшаться. Хозяйка пекла вкусные блины и варила прекрасный кофе, а по выходным даже угощала девушек пирогами. Лилианна обожала готовить и хорошо кормила своих квартиранток: по утрам девушек ждал свежий кофе, а вечером соблазнительный аромат ужина манил их с порога. Хозяйка заботилась о подругах как о родных

дочерях.

– Своих детей у меня никогда не было, но, видно, правду говорят: не может человек жить без привязанностей. До вас со мной жил студент-иностранец, поехал за границу по обмену. Представляете, как ему трудно было привыкнуть к чужой стране, к незнакомому языку? Хотя общежития у них великолепные, дворцы по сравнению с вашими, все равно на квартире-то лучше жить. Я ему и такси вызывала, и в больницу водила… Закончилась учеба, он вернулся к себе на родину, а у меня теперь новые подопечные, не хуже прежнего. Да что я говорю, не хуже, а лучше в сто раз! Золотые девочки!

Кристелла улыбалась, слушая простой, согревающий душу разговор; Софен хмурилась – ей не нравилась откровенность хозяйки.

– Потом она и про нас так рассказывать будет следующим квартирантам, – с досадой говорила она. – Противно.

Они втроем украшали квартиру к Новому году: достали из шкафа потрепанную елку, повесили в кухне снежинки, а в комнатах – сосульки, посадили под елку большого игрушечного енота, который почему-то ассоциировался у хозяйки с исполнением всех желаний, и в квартире сразу стало теплее и уютнее.

– Сказка, – не переставала восхищаться Лилианна. – Все вокруг так чудесно, правда? И то, что мы с вами встретились, и Новый год – все как в сказке.

Кристелле сразу вспомнились долгие зимние вечера в канун Нового года, когда Эльза наряжалась и завивала волосы, Кэтти накрывала на стол, Мариона надевала облегающее платье и становилась сразу на десять лет моложе, мужчины облачались в костюмы, и под бой часов Мариона торжественно садилась за пианино. Неторопливо звучала прекрасная мелодия, возвещающая начало нового года, новой жизни, новой попытке поймать за хвост вечно ускользающую птицу счастья. Все садились вокруг пианистки, с замиранием сердца слушали музыку, и каждый мечтал о своем. Кристелла особенно любила таинственные минуты перед полуночью, прежде чем все встанут и начнут поздравлять друг друга, а впереди веселый праздник, застолье, семейные песни и игры… Последние минуты уходящего года всегда наполнялись особым очарованием, именно они дарили мечту и веру в то, что мечта сбудется.

С Лилианной они отпраздновали Новый год с большим размахом. Хозяйка испекла большой шоколадный торт с глазурью и принесла небольшие подарки для девушек, потом они гуляли по городу и наслаждались необыкновенной красотой Кента. В праздники Кристелла не раз порадовалась, что они отметили наступление нового года в дружеском кругу, а не в грязном холодном общежитии с нелюдимой соседкой.

5

– Лучший способ заработать деньги – это стать репетитором. Теперь мы с тобой можем себе это позволить, – сказала Софен, вернувшись в Кент после каникул.

Начинался третий год их жизни в Кенте, и девушки уже совершенно привыкли к столичной жизни. Софен уезжала на каникулы домой, а Кристелла оставалась в Кенте и жила вместе с хозяйкой. Софен настойчиво просила у родителей разрешения пригласить подругу в гости домой, но родители продолжали отказываться.

– У нас маленькая квартира и очень тесно. Если твоя подруга согласна спать на полу, тогда она может приехать, – капризным голосом начинала мать Софен, такая же голубоглазая блондинка.

– Кроме того, в нашем городе совершенно нечего смотреть, – добавлял отец. – Пусть лучше остается в Кенте и держит место, а то за ваше отсутствие хозяйка может дать квартиру другим, более выгодным квартирантам.

В отличие от Кристеллы, для которой деньги всегда были лишь инструментом для получения желанного, Софен привыкла к постоянному обсуждению темы доходов и расходов. Несмотря на финансовые трудности, неизбежные в семье с единственным кормильцем и тремя детьми, Мариона никогда не говорила о деньгах ни с ними, ни с мужем, которого видела урывками. Родители Софен, хотя и не голодали, считали каждую копейку и поощряли в дочери стремление разбогатеть. Понимая, что мелочные родители ни за что не дадут ей денег на развлечения, девушка начинала придумывать разнообразные способы заработать самой. После каникул она вернулась оживленная и сразу стала обсуждать с подругой свои планы.

– Надо поработать всего месяца два, а потом мы уже сможем потратить заработок на себя.

– Но ведь работать репетитором не так легко, как кажется, – возразила Кристелла. – У тебя не будет времени готовиться к занятиям, нет знакомых, к кому можно обратиться за рекомендацией.

Но Софен настроилась решительно:

– Тогда я устроюсь официанткой в кафе.

– А зачем тебе деньги? – поинтересовалась Кристелла.

– Не мне, а нам. Ты слышала об университетских балах? Это же отличный повод познакомиться с успешным молодым человеком.

Софен продолжала расписывать все преимущества знакомства на балу, а Кристелла рассеянно смотрела в окно, почти не слушая подругу.

– Знаешь, Софен, иди туда одна. Зарабатывай и иди.

– А ты?

– Я не пойду.

Софен изумленно посмотрела на подругу.

– Но почему? Я заработаю на нас обеих.

– Я просто не хочу.

– Нельзя упускать своего шанса, – усмехнулась Софен. – Кто знает, может, именно тебе предстоит на первом же празднике познакомиться со своим избранником?

6

Кристелла оказалась совершенно права: Софен действительно вскоре разочаровалась в занятиях с учениками. Дело оказалось слишком сложным и утомительным, и девушка вернулась к мысли о работе в кафе. Ей не хотелось общаться с родителями учеников, отвечать на вопросы об уровне образования, хвалить детей, да и ездить по всему городу оказалось неудобно. Зато работать в кафе рядом с домом нравилось ей гораздо больше, и она вскоре смогла записаться на курсы подготовки к балу, взяла на прокат платье и стала учиться изящно двигаться на каблуках. Кристелла не спешила выбирать наряд и с хитрой улыбкой отвечала, что Софен едва ли стоит идти на бал и знакомиться со скучными студентами, когда ее окружает столько веселых молодых людей в кафе. Софен не понимала шутки и отвечала, что ищет серьезных людей, а с ребятами из кафе просто развлекается.

Когда пришло время идти на бал, Софен всерьез пожалела, что отдала половину своего заработка подруге. Кристелла смогла так хорошо одеться на их скромный доход, что затмила и Софен, и многих других девушек на празднике, и впервые Софен испытала настоящую зависть. Конечно, она всегда трезво оценивала свои возможности и не имела привычки мечтать о большем, чем могла бы себе позволить, и ей не приходилось завидовать богатым девочкам, которых возили отдыхать за границу, покупали им всевозможные наряды и катали на машине, но Кристелла, сама из бедной семьи, умела лучше распоряжаться небольшими средствами. Это и обидело Софен более всего.

Девушек не покидало чувство, что они перенеслись в далекий 19 век: кавалеры подходили к ним, кланялись и приглашали на танец. Украдкой поглядывая на Софен, Кристелла зевала в компании веселых студентов, рассказывающих ей о спорте или развлекающих ее анекдотами. На пятый танец ее пригласил тихий и робкий юноша, который учился на программиста последний год. Он почти все время молчал и робко улыбался, когда она пыталась подбодрить его. Заметив, что Нориан плохо двигается и не попадает в такт, Кристелла предложила ему отдохнуть.

– Ты не любишь танцевать?

– Нет, не очень. Я плохо танцую, – признался он с жалкой улыбкой.

– Тогда давай посидим, я немного устала.

Она плохо представляла, о чем завести разговор, однако в конце концов решила, что тему должен предложить Нориан, но юноша словно воды в рот набрал. После обмена парой коротких фраз он снова замолчал.

– Хочешь, я познакомлю тебя со своими друзьями? – спросил он наконец.

К Кристелле подсел Максим, и негативное впечатление от знакомства с Норианом тотчас рассеялось.

– В нашей компании верных друзей не хватает как раз нежной подруги. Мы учимся здесь последний год, и я уговорил его, – он кивнул на Нориана, – пойти на бал, и он не жалеет, верно?

Максим рассмеялся.

– Надо привести тебя в нашу компанию. Ты не похожа на других девушек, которых я встречал раньше. Запиши мой номер и дай мне свой, я сообщу тебе адрес и время встречи. Ты ведь придешь? А теперь давай поздравим Нориана с тем, что он наконец смог пригласить девушку на танец. Ты не находишь это событие великим, Нориан?

Нориан покраснел и глупо улыбнулся, но ничего не ответил.

– Кисейная барышня, – объявил Максим. – А тебя мы ждем в следующий раз в нашей компании, Кристелла. Мне кажется, и доктор Шелли будет рад знакомству.

7

– Вот видишь, я же говорила, что ты непременно познакомишься с кем-нибудь на балу, – повторяла Софен. – Я так и знала. А ты еще отказывалась идти.

Она никак не могла простить себе такой легкомысленности: пригласила подругу пойти с ней, и та познакомилась с интересными молодыми людьми да еще

и получила приглашение на вечеринку, а сама Софен весь вечер скучала и ни с кем не смогла познакомиться. Досада на такую несправедливость немного уменьшилась, лишь когда Кристелла сказала, что больше на бал идти не хочет. На этот раз Софен не стала ее уговаривать.

Через пару недель Кристелла и в самом деле получила приглашение на вечеринку. Максим дал ей чей-то домашний адрес, и Кристелла гадала, у кого они собираются и много ли будет гостей. «Надеюсь, ты встретишь там много девушек», – мысленно пожелала ей Софен.

У двери в квартиру Кристелла остановилась, пытаясь совладать с волнением, но дверь ей открыл Нориан, такой же смущенный и робкий, как в прошлый раз, и Кристелла сразу успокоилась. Он проводил ее в гостиную, и Кристелле снова пришлось испытать смущение и страх: в комнате сидели человек десять молодых мужчин, и среди них не было ни одной женщины. Увидев ее, хозяин квартиры вышел навстречу.

– Заходите и чувствуйте себя как дома. Рад познакомиться, Кристелла, я доктор Шелли, здесь все мои друзья.

Поймав удивленный взгляд Кристеллы, он поспешно объяснил:

– Меня так называют друзья. Доктор – потому что я доктор наук. Каких? Это секрет. Для Вас я Крис Шелли. Садитесь на диван, думаю, в обществе знакомых Вам будет приятнее провести время.

Кристелла благодарно кивнула и заняла свое место между Норианом и Максимом. Доктор Шелли представил ей всех гостей; постепенно неловкость прошла, и девушка стала слушать разговор и рассматривать новых знакомых.

Кроме Максима, Нориана и хозяина, в комнате сидели еще человек семь, которые, очевидно, хорошо знали друг друга и обращались на «ты» ко всем, кроме доктора Шелли. Всем им было около 30, как и хозяину, который, очевидно, занимал здесь особое положение.

– Вся наша жизнь похожа на одну бесконечную пьесу, – говорил он неторопливо и спокойно. – Весь мир – театр, как говорил один великий актер.

– Шекспир? – удивленно спросил один из слушателей.

– Мне иногда кажется, что все писатели – великие актеры, – задумчиво проговорил доктор Шелли. – Они заставляют нас поверить в то, что знают жизнь, и хотят научить тому, как жить правильно, хотя вновь и вновь совершают те же ошибки одну за другой.

В гостиной воцарилось молчание.

– Нет сейчас писателей, никто ничего стоящего не пишет, – подал голос Максим.

– Ты не прав. И писатели есть талантливые, и написать они могли бы много прекрасных вещей, нужно их только разбудить, – возразил Леонид. – Ведь мы именно для этого здесь и собираемся.

Все согласились с ним, и разговор продолжался, тем сменяли одна другую. Кто-то затронул вопрос об архитектуре, и тут неожиданно к разговору присоединлся Нориан.

– Сейчас действительно строят много однотипных зданий и станций метро, а это приводит к тому, что облик города становится унылым и однообразным. Даже психологи заговорили о воздействии стандартного и шаблонного на человека, и эту проблему включили в перечень экологических проблем городов.

«Поблагодарим Нориана за его самую длинную речь в истории, – шепнул Кристелле на ухо Максим, – он никогда раньше не говорил так много. Уж не встреча ли с тобой на него так сильно повлияла?»

Собрание подошло к концу, и гости встали со своих мест.

– Всем спасибо, – сказал доктор Шелли. – Кристелла, останьтесь ненадолго.

Доктор Шелли прикрыл дверь в комнату.

– Садитесь, Кристелла. Я хотел спросить, понравилось ли Вам наше собрание? Обычно такие беседы проходят раз в две—три недели, иногда чаще. Вы будете приходить?

– С радостью.

– В таком случае я Вас приглашаю. Это моя квартира, мы всегда собираемся здесь, хотя состав будет меняться, Вы увидите. И, конечно, я попрошу Вас никому не рассказывать о наших дружеских встречах, думаю, Вы понимаете.

Около подъезда Кристеллу ждал Нориан. Он прогуливался вдоль дома и, заметив ее появление, подошел к девушке.

– Что ты здесь делаешь?

– Я ждал тебя.

В его голосе не было должной решительности, поэтому заранее обдуманная фраза прозвучала жалко и не произвела нужного впечатления.

– Меня? – удивилась Кристелла.

– Да… Я хотел проводить тебя… если позволишь.

«Спасибо, я в состоянии добраться до дома самостоятельно», – хотела ответить Кристелла, но ей вдруг стало жаль нелепого мальчика, который так хотел показаться благородным рыцарем.

– Хорошо, пойдем. Спасибо.

Нориан просиял. Ему так хотелось сказать ей что-нибудь приятное, но он никак не мог подобрать нужных слов. Молчание затянулось, и Нориан, набрав воздух в легкие, начал:

– Тебе понравилось собрание?

– Да, очень. Особенно мне запомнилась твоя речь об архитектуре – так оригинально.

– В самом деле? Спасибо.

Нориан снова приготовился замолчать на полчаса, но тут Кристелла взяла инициативу в свои руки.

– Значит, это было собрание?

– Нет, просто дружеская встреча.

– Но я так поняла, что эти встречи проходят регулярно и тайно, разве нет?

– Да, видишь ли… мы не говорим об этом на улице. Просто называй их вечеринкой у друзей.

– Значит, собрания тайные? – понизив голос, спросила Кристелла.

Нориан кивнул.

– Как интересно. А какова их цель?

– Я не знаю, – просто ответил Нориан. – Организатор – доктор Шелли, он не делится ни с кем секретами.

– А собрания точно безопасные?

– Они же тайные, значит, безопасные, пока о них никто не знает.

Нориан проводил Кристеллу до дома.

– До встречи. Я хожу на все собрания, так что скоро увидимся.

Он колебался, стоит ли обнять ее на прощание – соблазн был слишком велик, но он не знал, как к такой вольности отнесется Кристелла. Он с трудом удержался и проводил ее глазами, пока она не исчезла за дверью, после чего повернулся назад и отправился в темноту.

– Теперь рассказывай, как все прошло, – Софен уселась поудобнее и приготовилась слушать. Она нарочно не ложилась спать, рассчитывая услышать рассказ подруги, но Кристелла, помня предостережение Нориана и доктора Шелли, начала сочинять историю о празднике, где было много молодежи, но вскоре сама почувствовала, что ее слова звучат не слишком убедительно. Софен сразу поняла, что от нее что-то скрывают, но расспрашивать не стала, обидевшись на подругу.

А Кристелла с нетерпение ждала следующей встречи и через пару недель ушла на очередное собрание, сказав Софен, что идет на свидание. На этот раз ее встретил на пороге сам доктор Шелли, и собрались еще не все приглашенные. Среди гостей Кристелла заметила Нориана, Максима и Леонида, остальных она не знала. Кристелле снова представили всех собравшихся, и разговор начался, не менее оживленный, чем в прошлый раз. С тех пор Кристелла не пропускала ни одного собрания. Постепенно она начала запоминать гостей и сама стала принимать участие в разговорах. На четвертый год их с Софен проживания в Кенте однажды Леонид начал кричать, что в Кенте за пару лет численность населения выросла вдвое. Об этом часто говорили на собраниях, но теперь Леонид настойчиво продолжал, что свободное проживание в столице нужно запретить.

– Едут новые и новые люди, будто в стране больше жить негде. Нужно давно выселить всех лишних людей и дать возможность остальным жить здесь спокойно.

При этом он неожиданно повернулся к Кристелле, и она, давно уже сдерживая гнев, встала со своего места.

– Прекрасно. Завтра меня здесь не будет.

– Не уезжайте, – внезапно возразил доктор Шелли, и, прежде чем кто-либо успел вымолвить хоть слово, взял ее за руку и усадил на место.

– Кто сказал, что именно мы здесь лишние? За нами будущее, вы те немногие, кто еще может смотреть правде в глаза, и никого из вас я не отпущу. Мы будем продолжать собираться и тогда сможем постоять за себя. Не хочу пугать вас,

друзья, но будущее нас ждет страшное. Сменим тему.

Слова доктора Шелли произвели на всех огромное впечатление, но Кристеллу удивило другое – его неожиданное заступничество и поддержка. Ей было приятно осознавать, что она нравится ему, и об этом девушка размышляла всю дорогу, пока Нориан спрашивал ее, не испугалась ли она предостережения доктора Шелли.

Кристелла стояла, прислонившись к стенке в метро.

– Ты не боишься ходить на собрания?

– Нет, ты же говорил, что они совершенно безопасны.

– Правильно, ничего не бойся, пока ты со мной.

Поезд внезапно дрогнул и остановился. От резкого торможения молодых людей качнуло назад, и Кристелла схватила Нориана за руку. На минуту в вагоне погас свет; людей охватила паника, раздались крики, началось движение, кто-то попытался открыть дверь. В вагоне заплакал ребенок, его тщетно пытались успокоить.

– Почему дверь не открывают, хотя мы стоим на станции? – прошептала Кристелла.

Но вот включили свет, вошла дежурная с флажком в руке.

– Прошу всех выйти. Поезд дальше не идет.

– Давай дойдем пешком, – предложил Нориан. – Нам недалеко.

Когда они проходили мимо локомотива, то увидели, что произошло. На рельсах лежала женщина, точнее, то, что от нее осталось. Кристелла отвернулась.

– Не смотри, – Нориан обнял ее за плечи. – Думаю, мы скоро прочтем в новостях об этом.

Они остановились в сквере, и Нориан достал телефон.

– Точно, смотри: несчастный случай, женщина упала на рельсы. Подозревают самоубийство. Очевидцы утверждают, что она сама бросилась под поезд, и, хотя он уже замедлялся, жертва сильно пострадала. Да ведь это наша преподавательница!

– Какой ужас! – не выдержала Кристелла.

– Да, это первые жертвы, – кивнул Нориан. – Думаю, доктор Шелли выскажется по этому поводу на собрании.

– По какому поводу? Про самоубийство?

– Идем домой. Спи спокойно и ни о чем не думай.

9

«Легко тебе говорить», – подумала Кристелла, ложась в постель. Перед ее мысленным взором стояла ужасная сцена в метро, и всю ночь ее преследовал липкий страх дурного предчувствия. Даже утром она не могла избавиться от тягостного ощущения беды и с нетерпением ждала собрания, как избавления, сама не зная, что хотела услышать. Однако о случившемся на собрании не было сказано ни слова, и девушка испытала разочарование и тревогу. Когда пришло время уходить, доктор Шелли попросил ее ненадолго остаться. «Неужели наконец пришло время услышать правду?» – с надеждой подумала Кристелла.

Усадив ее в кресло, доктор Шелли долго всматривался ей в глаза.

– Вы боитесь, Кристелла? Догадываюсь, что боитесь. Все умные люди начинают бояться, но Вы не должны поддаваться всеобщей панике. Научитесь не слушать и не придавать значения сплетням, слухам и подозрениям – это самая полезная привычка, которую можно приобрести за жизнь. Опасность всегда меньше, чем страх и паника. Зайдите на минуту ко мне в спальню, мне надо поговорить с Вами.

В спальне доктора Шелли тускло горела одна настольная лампа.

– Присядьте на минуту на диван, – попросил он.

Кристелла послушно села, осматривая простую обстановку комнаты: шкаф, комод, низкая тумбочка, письменный стол и диван.

– Не слишком роскошно, правда? Мне тоже не нравится. Когда женюсь, непременно сменю обстановку, поставлю здесь зеркало и кровать вместо дивана, тогда комната сразу станет уютнее.

Доктор Шелли присел напротив Кристеллы на стул.

– Не буду включать свет, так обстановка располагает к откровенности. Скажите, Вы не нуждаетесь в деньгах?

– Нет.

– Если Вам нужна помощь, не стесняйтесь просить. Вы ведь живете с подругой?

– Да, с хозяйкой на квартире. Но помощь мне не нужна, благодарю.

– Хорошо, в таком случае скажите: Вы собираетесь учиться до конца?

– Конечно, 6 лет.

– В таком случае пришло время передумать. Заканчивайте этот год и забирайте документы, я найду работу и Вам, и Вашей подруге. Об остальном не беспокойтесь, я смогу Вам помочь, но в университете сейчас оставаться небезопасно.

Несмотря на странное предостережение, Кристелла решила послушаться совета доктора Шелли и забрала документы из университета вместе с Софен, которая теперь получила возможность целые дни проводить в кафе. К счастью, Лилианна разрешила им остаться и даже слышать не хотела о переезде.

– Да разве я отпущу вас, девочки? Вы не сможете купить жилье на свои крошечные заработки. Теперь пойдете отсюда только под венец.

В тот же день, хитро прищурившись, Софен спросила:

– А чем ты будешь заниматься, Кристелла? Ходить по свиданиям?

– Видишь ли, – Кристелла замялась, – я должна тебе кое о чем рассказать. Все это время я ходила вовсе не на свидания…

– Ты считаешь меня совсем глупой или наивной? Я давно уже поняла, что ты что-то скрываешь. Неужели пришло время услышать правду?

– Я работаю на собраниях, в нашем кружке.

Выслушав ее, Софен рассмеялась:

– И, разумеется, бесплатно? Давно могла бы попросить кого-нибудь из своих поклонников содержать тебя. Какая же ты непрактичная!

Кристелла улыбнулась, вспомнив разговор доктора Шелли о зеркале в спальне, потом вернулась к Нориану – а ведь он мог бы и сделать ей предложение, они встречались уже два года. Да, на ее месте Софен давно бы уже сориентировалась правильно.

Так начинался пятый год их жизни в Кенте.

10

В конце октября однажды вечером в квартире раздался звонок. Кристелла открыла дверь и чуть не упала от удивления: на пороге стоял Нориан.

– Как ты поздно! Зайдешь?

– Нет, я очень спешу. Просто на минутку, сказать, что собрание состоится послезавтра. Я провожу тебя, так что встречаемся у твоего дома.

Нориан повернулся, чтобы уйти, и Кристелла подумала, что Лилианна выбрала самое подходящее время, чтобы отправиться за покупками.

– Кто приходил? – спросила Софен, как только Кристелла вернулась в комнату.

– Это мой друг, знакомый с того бала, и перестань, пожалуйста, улыбаться.

– Почему же он не зашел? Тебе не кажется его поведение несколько странным для человека, которому ты нравишься? Он мог бы и принять приглашение.

– Он занят, – ответила Кристелла. – Я ухожу на собрание послезавтра вечером, и предупреждать об этом Лилианну совсем не обязательно.

– Наша душечка никогда ни о чем не спрашивает, ты же знаешь, – фыркнула Софен. – Даже если ты не вернешься ночевать, она не спросит, с кем ты была. Мне порой кажется, что, если начать рассказывать ей о своих личных делах, она просто закроет уши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/grashkina_aleksandra/pravo-vybora

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити